Тася Герц

У каждого создания - есть цена.
У каждого творца - есть подпись.

Я ВИДЕЛ ТЬМУ В ЕЕ ГЛАЗАХ

18+

Тася Герц

Я видел тьму в её глазах

«Автор»
2026

Тася Герц

Я видел тьму в её глазах / Тася Герц — «Автор», 2026

Город, в котором убийца не оставляет следов, а оставляет произведения искусства.Каждая жертва — композиция, каждое убийство — глава. Кто-то читает старые, забытые романы писательницы Мины и воплощает их в реальность — с пугающей, безжалостной точностью, от которой судебный медик рыдает, а следователь не спит ночами.Мина не знает, кто превращает её слова в кровь. Она знает только одно — её тексты стали чертежами, а она — невольной соучастницей. Пока полиция ищет призрака, Мина всё глубже погружается в тьму, которую сама придумала, — и встречает Дина, скульптора, который говорит, что видит её настоящую. Который лепит из глины так, как она пишет из боли. Который знает её тексты наизусть — каждую точку, запятую, каждый разрез.18+

© Тася Герц, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Тася Герц
Я видел тьму в её глазах

Глава 1

День тянулся тягуче, как остывающий гудрон. Питер ходил по квартире в черных брюках, застёгивал рубашку. Мина наблюдала из дверного проёма, кусая уголок губы: в этой его собранной резкости было что-то хищное — и от этого внутри всё сжималось. Он поймал её взгляд, хмыкнул:

— Хватит пялиться. Мы и так опаздываем. Глава полиции не любит, когда кто-то крадёт его время.

Мина не ответила. Ей не хотелось спорить. Ей хотелось, чтобы он подошёл и грубо притянул к себе, чтобы на секунду стало плевать на все эти вечера, на чужие семьи, на необходимость улыбаться тем, кто смотрит на неё оценивающе. Но Питер только поправил узел галстука и бросил:

— Готова?

Вечер был устроен с показной роскошью: золото, хрусталь, лица, отполированные до блеска, и улыбки, в которых не было ни капли тепла. Мина чувствовала себя здесь чужеродным предметом, который неловко поставили на витрину и теперь ждут, что он исчезнет сам. Пит, напротив, будто растворялся в этом мире — кивал нужным людям, смеялся над плоскими шутками, представлял её сухо, по-деловому:

— Моя невеста. Мина.

Прозвучало громко. Слишком громко для того, кто целыми днями пропадает на работе и приходит за полночь. Мина не хотела этой показухи. Но Питу нравилось выглядеть важным в глазах других.

Дочь главы полиции смотрела на Пита так, словно хотела содрать с него этот галстук и оставить на коже красные полосы. Её взгляд скользил по его плечам, задерживался на запястьях, и в нём было столько голодной дерзости, что Мина почувствовала, как внутри поднимается едкая волна злости. Она не сказала ни слова. Не стала дёргать Пита за рукав, не стала шептать: «Видишь, как она на тебя смотрит?». Это было бы слишком мелко, слишком по-женски, а Мина не хотела быть мелкой. Она просто чуть крепче сжала ножку бокала и улыбнулась дочери главы так, что та на секунду отшатнулась.

— Какая у вас интересная улыбка, — процедила светловолосая девушка, что пять минут назад пожирала Пита глазами. — Будто вы знаете что-то, чего не знаем мы.

— Возможно, — тихо ответила Мина. — Я знаю, как заканчиваются истории, где кто-то слишком много себе позволяет.

Пит в этот момент отошёл к группе мужчин в форме, и его смех прозвучал слишком громко, слишком непринуждённо. Мина почувствовала, как в груди что-то царапнуло — не ревность даже, а ощущение, что она здесь лишняя, что её место — не рядом с ним, а где-то в тени, откуда она наблюдает за всем этим театром и записывает, как ломаются люди.

Она вышла на террасу. Ветер тут же вцепился в волосы, швырнул прядь в лицо. Город внизу мерцал, как россыпь холодных глаз. Мина сделала глоток шампанского — оно было слишком сладким, почти приторным, и от этого хотелось выплюнуть. Она смотрела вниз, туда, где улицы терялись в темноте, и думала, что в этом городе каждый второй носит в себе маленькую смерть и ждёт подходящего момента, чтобы её выпустить.

Когда она повернулась, то поняла, что не одна. У стены, наполовину скрытый тенью, стоял мужчина. Его поза была расслабленной, но в ней чувствовалась угроза — как у хищника, который не спешит нападать, потому что жертва всё равно никуда не денется. На его лице играла лёгкая улыбка, от которой по спине пробежал ледяной ток.

Их взгляды встретились. В его глазах не было ни смущения, ни извинений — только холодное любопытство, будто он уже мысленно раздевал её не для ласки, а чтобы увидеть, где у неё шрамы.

Мина сделала шаг назад, но не потому, что испугалась, а потому, что поняла: этот человек не из тех, кто просто стоит и смотрит. Он из тех, кто берёт. И если он выбрал её взглядом, значит, уже считает своей.

Не говоря ни слова, она развернулась и пошла обратно, туда, где свет, где люди, где Пит. Но даже среди голосов и смеха она чувствовала, как чужой взгляд ползёт по её спине, оставляя

невидимые царапины. Когда она снова мельком обернулась, мужчины уже не было. Только тень дрогнула и растворилась в темноте.

Внутри всё звенело от напряжения. Ей хотелось кричать, хотелось сорвать с себя это платье, которое вдруг стало казаться клеткой. Но вместо этого она подошла к Питу, вцепилась пальцами в его рукав и прошептала, почти прошипела:

— Увези меня отсюда. Сейчас.

Он посмотрел на неё с лёгким недоумением, будто не сразу понял, что с ней происходит.

— Что случилось?

— Ничего, — отрезала она. — Просто мне здесь душно. Ты же знаешь, как я отношусь к таким местам.

– Здесь есть терраса. Выйди, подыши.

– Я устала, Пит.

– Еще рано. Я должен остаться.

И Мина покинула мероприятие одна.

В холле она стояла, сжав кулаки так, что ногти впивались в ладони, оставляя полумесяцы. Холодный мрамор под ногами, запах дорогих духов, въевшийся в воздух, и эта бесконечная минута ожидания такси — каждая секунда звенела в ушах, как натянутая струна. Когда машина наконец подъехала, Мина скользнула внутрь, назвала адрес и отвернулась к окну, чтобы водитель не заметил, как по щеке скользнула не слеза даже, а какая-то злая, сухая дрожь.

Дверь хлопнула за спиной Мины так, будто дом сам хотел отрезать её от того вечера, от блеска, от чужих взглядов. В коридоре повисла тишина — густая, липкая, как остывшая смола. Она не стала включать свет. Прошла в комнату, села за стол, щёлкнула клавишей ноутбука — экран вспыхнул, и этот резкий белый свет резанул по глазам, словно обвинение: ты сбежала. Пальцы легли на клавиатуру — твёрдо, почти грубо, будто собирались не печатать, а выцарапывать слова.

Она открыла черновик своего романа — ту самую главу про тайного убийцу, про человека, который не спрашивает разрешения, который берёт то, что хочет. И начала писать — не про вымышленную героиню, а про себя, только в маске смелости, которой ей сейчас так не хватало.

«Она не стала ждать разрешения. Когда он прислонился к стене, его улыбка была слишком уверенной, слишком хищной — и это разозлило её. Не страх пришёл первым, а ярость: как он смеет смотреть на неё так, будто уже решил, что она будет его?

Он не сделал шага, но воздух между ними стал плотным, тяжёлым, как перед ударом молнии. Она могла бы развернуться и уйти — так поступила бы правильная, осторожная женщина. Но в её крови уже кипела другая правда: слабость здесь была смертным приговором.

Поэтому она не ушла. Она сделала шаг вперёд — навстречу его тени, навстречу опасности, которая пахла дорогим парфюмом и чем-то ещё, тёмным и острым, как лезвие.

— Ты знаешь, кто я? — спросила она, и голос прозвучал ровно, почти равнодушно, хотя внутри всё кричало.

— Знаю, — ответил он, и в его улыбке мелькнуло что-то, от чего по коже побежали ледяные мурашки. — Ты та, которая пишет про убийц. А я тот, кто может сделать эти истории настоящими.

Она не дрогнула. Вместо этого протянула руку и коснулась его запястья — не нежно, а жёстко, почти хватая, будто проверяя, настоящий ли он, не призрак ли. Его кожа была тёплой, слишком тёплой для того холода, что витал вокруг.

— Тогда докажи, — прошептала она, и в этих словах не было кокетства. Это был вызов, брошенный в темноту. — Покажи, на что ты способен.

Он не стал тратить время на слова. Его пальцы сомкнулись на её запястье — крепко, до лёгкой боли, которая не пугала, а зажигала внутри что-то дикое, первобытное. Он потянул её в тень, туда, где свет не доставал, где никто не мог увидеть, как стирается грань между игрой и настоящей опасностью.

Здесь не было места вежливости. Здесь правила диктовала сила — и она хотела почувствовать эту силу, даже если она оставит на ней шрамы.

Когда его губы коснулись её шеи, это не было лаской — это был укус территории, молчаливое заявление: ты теперь моя. И вместо того чтобы оттолкнуть, она вцепилась пальцами в его плечи, впиваясь ногтями сквозь ткань, будто хотела убедиться, что он чувствует её так же остро, как она — его.

Мир сузился до этого мгновения: до его дыхания на её коже, до того, как его рука скользнула под подол платья, грубо, без лишних церемоний, сметая любые намёки на нежность. Здесь не было романтики — только первобытная схватка двух хищников, которые наконец нашли равного себе.

И когда он прошептал ей на ухо, обжигая кожу: „Тебе стоит только пожелать, и я весь мир положу к твоим ногам“, — она не ответила словами. Вместо этого прижалась к нему так, будто хотела раствориться в этой опасности, стать её частью, позволить ей сжечь все её страхи дотла...».

Мина остановилась. Она откинулась на спинку стула, тяжело дыша, будто сама только что пережила эту сцену. На экране мерцали слова...

Мысль обожгла внезапно и остро: в её книгах героини не ждали, пока мужчины решат, что с ними делать. Они брали контроль, диктовали условия, превращали страх в оружие. А она… она просто стояла в стороне и смотрела, как Пит остаётся, как дочь главы полиции пожирает его глазами, как вечер медленно высасывает из неё силы.

Экран ноутбука отражался в её зрачках холодным светом, и в этом отражении она видела не уставшую женщину, а ту самую героиню — дерзкую, опасную, готовую сорвать маски со всех, кто посмел её недооценить.

Мина снова наклонилась к клавиатуре. Пальцы забегали по клавишам, но теперь она писала не просто сцену — она вымещала на словах свою злость, свою обиду, свою потребность в том, чтобы кто-то наконец увидел её настоящую, без прикрас и без фальшивых улыбок.

Следующая фраза получилась особенно резкой, почти жестокой — и именно такой, какой и должна быть правда, когда она прорывается сквозь тишину:

«*Иногда самое страшное — не нож в темноте и не чужой взгляд из тени. Самое страшное — это понимать, что ты позволяешь другим решать, сколько тебе можно хотеть, сколько тебе можно требовать, сколько тебе можно быть собой. А потом просыпаться и ненавидеть себя за эту уступку*».

Она нажала «сохранить» и закрыла крышку ноутбука. В комнате снова повисла тишина, но теперь она звучала иначе — не как пустота, а как пауза перед бурей. Мина встала, подошла к окну и посмотрела на город, раскинувшийся внизу огнями, похожими на холодные звёзды. Где-то там, среди этих огней, Пит всё ещё был на том вечере. Может, смеялся над чьей-то шуткой. Может, чувствовал, как на него смотрит дочь главы полиции. А может, наконец понял, что Мины рядом нет — и впервые за весь вечер это его по-настоящему встревожило.

Но сегодня ей не хотелось об этом думать. Сегодня ей хотелось сохранить в себе эту ярость, эту резкость, эту способность превращать боль в слова, которые ранят так же сильно, как удар.

Завтра она решит, что делать дальше. А сегодня… сегодня пусть мир подождёт.

Утро ударило по вискам холодным светом и стерильной тишиной.

Мина проснулась не от будильника. Она посмотрела на соседнюю дверь, за которой находится Пит. Он вернулся спустя два часа после ее ухода.

Их молчание прошлой ночью легло между ними не как пауза, а как стена из битого стекла: тронешь — порежешься.

Они не ссорились громко. Не швыряли словами, не хлопали дверьми. Всё было куда жёстче — в этой ледяной вежливости, с которой Пит сказал: «Тебе лучше отдохнуть в гостевой», и в том, как Мина кивнула, будто это не резануло по живому, будто она не чувствовала себя вычеркнутой из его вечера, из его долга, из его «надо».

Теперь она стояла в пустом зале, где через несколько часов должна была начаться презентация книг, и раскладывала стопки томов с такой механической точностью, будто каждое движение было приказом самой себе: не думать, не чувствовать, просто делать. Ткань платья цеплялась за углы столов, каблуки оставляли едва заметные следы на безупречном полу, и эта мелкая, упрямая неидеальность казалась ей почти бунтом против всей этой показной элегантности.

Она двигалась быстро, грубо, без лишних жестов — будто пыталась вытрясти из себя остатки ночи, выжечь стыд за то, что сбежала, и злость на то, что осталась одна. Каждый корешок книги она ставила так, словно это был удар: вот тебе, вечер. Вот тебе, дочь главы. Вот тебе, Пит, который выбрал остаться.

А он — Дин — вошёл в зал не как гость, не как художник, не как скульптор, чьи работы выставлялись в лучших галереях. Он вошёл как тот, кто приходит туда, где уже пахнет напряжением, где воздух вибрирует от невысказанных слов и скрытых угроз. Его шаги были почти бесшумными, но Мина почувствовала его присутствие раньше, чем увидела — как будто температура в комнате упала на несколько градусов, а тишина стала другой: не пустой, а насторожённой.

Он остановился у входа, оперся плечом о косяк, будто ему было всё равно, заметят его или нет. Но он замечал всё.

Его взгляд скользнул по залу, по расставленным книгам, по цветам, по свету — и наконец нашёл её. И в этот момент что-то внутри него щёлкнуло, как затвор.

Впервые он увидел её на террасе — одинокую, напряжённую, с бокалом, который она держала так, будто это было оружие. Тогда он подумал: *она знает, что за ней наблюдают. И не бежит. Значит, либо глупа, либо опасна.* Теперь, глядя на то, как она расставляет книги, почти швыряя их на стол, он понял: она не глупа. Она злится. И эта злость делала её не хрупкой, а острой — как лезвие, которое только и ждёт момента, чтобы полоснуть.

Дин улыбнулся — едва заметно, уголком губ, не для неё, а для себя. В его голове уже складывался образ: не статуя, не портрет, не изящная скульптура для богатых коллекционеров. Нет. Образ Мины сейчас был другим — рваным, нервным, живым. Как будто её злость можно было слепить из глины, залить металлом, сделать вечным.

Но вместе с этим в нём просыпалось и другое — то, что он старательно прятал под маской утончённого художника. То, что делало его тем, кем он был на самом деле.

"Она не боится меня,— подумал он, и эта мысль обожгла его странным, почти болезненным удовольствием. — *Она просто не знает, кого видит. Пока не знает".*

Он сделал шаг вперёд, потом ещё один — медленно, нарочно, чтобы она успела его заметить, чтобы почувствовала этот взгляд на себе, как прикосновение. И когда она наконец подняла голову и встретилась с ним глазами, он не отвернулся. Не стал притворяться вежливым гостем. Он смотрел прямо — с той откровенной, пугающей прямотой, которая не оставляет места для иллюзий.

В его взгляде не было ни восхищения, ни желания угодить. Там была оценка. Холодный, профессиональный расчёт убийцы, который видит жертву не как кусок мяса, а как форму, как задачу, как нечто, что должно занять своё место в его личной, извращённой гармонии. И вместе с тем — страсть художника, который наконец нашёл идеальный материал.

«Ты думаешь, что злишься на него,— мысленно обратился он к ней, не произнося ни слова. — *А на самом деле ты злишься на себя за то, что позволяешь себе быть слабой. Но ты не слабая. Ты просто ещё не знаешь, на что способна».*

Мина замерла, держа в руках стопку книг. Её пальцы побелели от напряжения. Она хотела отвести взгляд, хотела сделать вид, что он просто очередной гость, что его присутствие ничего не значит. Но что-то в его глазах — эта пугающая смесь спокойствия и скрытой угрозы — не давало ей этого сделать.

Он не двигался. Просто стоял и смотрел, позволяя тишине между ними становиться всё тяжелее, всё опаснее. И в этой тишине Мина вдруг поняла: незнакомец с террасы не был случайностью.

И самое страшное было не в том, что он смотрел на неё как на жертву. А в том, что в глубине души, среди всей этой злости и обиды, она чувствовала, как что-то внутри неё откликается на эту опасность. Как будто эта тьма звала её, обещая, что там, в её глубине, можно наконец перестать быть удобной, перестать быть правильной, перестать быть той, которую все ждут.

Дин чуть наклонил голову, будто прислушиваясь к этой внутренней борьбе, которая отражалась на её лице. И едва слышно, одними губами, прошептал — так тихо, что никто, кроме него самого, не мог услышать:

— Да… ты именно такая, какой я тебя увидел. Опасная. И очень, очень интересная.

Мина не знала, что ответить на эти слова. Она просто развернулась и спешно ушла.

Презентация тянулась, как бесконечная петля из фальшивых улыбок и вежливых кивков. Мина улыбалась — ровно, отточенно, так, как делают люди, которым давно надоело изображать радость. Она кивала, принимала комплименты к своим книгам, будто это были не слова, а тяжёлые камни, которые ей приходилось складывать в невидимый мешок за спиной. Каждый «очень талантливо», каждый «так глубоко» отдавался внутри глухой усталостью. Ей хотелось сорвать с себя этот наряд, смыть с лица макияж, который теперь казался маской, и просто исчезнуть.

Коллега, заметив, как Мина чуть пошатнулась, когда потянулась за очередной стопкой буклетов, тихо шепнула:

— Ты в порядке? Может, передохнёшь?

Мина только коротко кивнула, не доверяя голосу — боялась, что вместо вежливого «всё хорошо» вырвется что-то резкое, горькое.

— Тогда хотя бы посмотри туда, — коллега едва заметно кивнула в сторону высокого мужчины у дальней стены. — Это Дин Кравец. Художник, скульптор. Его работы уходят с аукционов за безумные деньги. Говорят, он делает скульптуры, в которых видно каждую эмоцию, даже ту, которую человек прячет.

Мина скользнула взглядом по фигуре Дина — сдержанно, без любопытства. Для неё он был просто ещё одним гостем в этом зале, ещё одним лицом среди десятков других.

— Понятно, — сухо ответила она. — Спасибо за информацию.

В её голосе не было ни интереса, ни восхищения. Только усталость, которая делала все эти «звёзды» одинаково безликими.

Позже, когда зал наконец опустел, а последние гости растворились в фойе, к Мине подошла организатор и протянула ей плетёную корзину, наполненную подарочными изданиями, шоколадными наборами и маленькими сувенирами.

— Нужно отнести это в номер 812. Гость не смог остаться на всю презентацию, но очень хотел получить подарки.

Мина кивнула, принимая корзину. Вес её был приятным, почти успокаивающим — как будто в руках у неё было что-то настоящее, а не воздух из пустых слов.

Номер 812 оказался в тихом крыле отеля, где коридоры были чуть темнее, а шаги звучали глуше. Мина остановилась у двери, поправила волосы, глубоко вдохнула, чтобы стряхнуть с себя остатки вечерней усталости, и постучала.

Тишина. Потом — звук отодвигаемого засова. Дверь медленно приоткрылась.

На пороге стоял Дин.

Мина замерла. Корзина в её руках вдруг стала тяжелее, будто реальность только что дала трещину, и сквозь неё просочилось что-то неправильное, неуместное.

— Вы… — начала она, но голос подвёл, и фраза повисла в воздухе, незаконченная.

Он чуть склонил голову, будто оценивая её замешательство, но не спешил его разрушать. На его лице не было ни удивления, ни смущения — только лёгкая, почти незаметная улыбка, в которой читалось: «Я знал, что придёшь именно ты».

— Это мне? — спокойно спросил он, кивая на корзину.

Мина молча кивнула, чувствуя, как внутри поднимается волна раздражения — не на него, а на эту нелепую случайность, на то, что мир вдруг решил столкнуть их вот так, без предупреждения, когда она уже была на грани того, чтобы просто выдохнуть и уйти.

Она шагнула внутрь, поставила корзину на столик у окна. Дерево столешницы было гладким, тёплым, и на секунду этот простой жест — поставить корзину, коснуться дерева — вернул ей ощущение контроля.

— Всё здесь, — указала она на корзину, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без дрожи. — Хорошего вечера.

Она уже сделала шаг к двери, когда он заговорил — негромко, буднично, будто они были старыми знакомыми, а не двумя людьми, которые обменялись лишь парой взглядов за весь вечер.

— Говорят, вы пишете о тёмных сторонах людей. О том, что они прячут даже от самих себя.

Мина остановилась. Пальцы сжались на ручке двери, но она не повернула её.

— Я пишу истории, — ответила она, не оборачиваясь. — Не исследования.

— Истории — это и есть исследования, — спокойно возразил он. — Только вы смотрите на людей через призму боли и желания. А я — через форму. Но мы оба ищем то, что скрыто.

Она наконец повернулась. В его голосе не было ни давления, ни попытки впечатлить. Только спокойный, почти отстранённый интерес — как у человека, который привык наблюдать и редко говорит лишнее.

— Наверное, — коротко бросила она, снова потянувшись к ручке. — Рада, что подарки доставлены.

— Подождите, — сказал он, и в этом «подождите» не было приказа. Скорее — просьба, произнесённая так тихо, что её можно было проигнорировать, если очень захотеть. — Здесь душно. Давайте откроем окно. Просто подышим.

Мина хотела отказаться. Хотела сказать «нет, мне пора», развернуться и уйти, оставив между ними эту правильную, безопасную дистанцию. Но усталость вдруг накрыла её с новой силой — и мысль о том, чтобы постоять у открытого окна, впустить в лёгкие холодный ночной воздух, показалась почти спасительной.

Она опустила руку с ручки и молча подошла к окну. Дёрнула створку — та поддалась с лёгким скрипом, и в комнату ворвался ветер, пахнущий дождём и асфальтом.

Дин не подошёл ближе. Он остался у столика, опершись о спинку кресла, и смотрел не на Мину, а куда-то в темноту за стеклом — так, будто там было что-то важное, что он пытался разглядеть.

— Иногда мне кажется, — произнёс он после долгой паузы, — что люди приходят ко мне на сеансы, чтобы я слепил их такими, какими они хотят быть. А не такими, какие они есть. Они просят: «Сделайте меня сильным. Сделайте меня красивым. Сделайте так, чтобы никто не видел моих шрамов». Но шрамы — это самое интересное. Без них скульптура плоская.

Мина стояла у окна, обнимая себя за плечи, и слушала. Не потому, что ей было интересно. А потому, что его слова падали в ту пустоту внутри неё, которая ещё недавно была заполнена фальшивыми улыбками и дежурными фразами.

— А если шрамы слишком глубокие? — тихо спросила она, сама не ожидая от себя этого вопроса. — Если они уже не часть красоты, а просто боль?

Дин медленно посмотрел на неё. В его взгляде не было жалости. И это почему-то было важнее всего.

— Тогда их нужно не прятать, — спокойно ответил он. — Их нужно показать так, чтобы люди поняли, что эта боль — не слабость. Это сила, которая не ломается.

Ветер трепал занавеску, и в этой комнате, среди подарочной корзины и дорогого интерьера, вдруг стало тихо — по-настоящему тихо, без фальши.

Мина глубоко вздохнула, будто впервые за вечер смогла вдохнуть до конца.

Дин шагнул к мини-бару, достал два невысоких бокала и бутылку тёмного виски — не пафосного, не коллекционного, а такого, который берут, когда хотят не произвести впечатление, а просто согреться изнутри. Он налил совсем немного — на два пальца — и протянул один бокал Мине.

— Без тостов, — сказал он, чуть приподняв свой. — Просто глоток, чтобы снять этот вечер с плеч.

Мина взяла бокал. Стекло было прохладным, тяжёлым. Она не любила крепкий алкоголь, но сейчас он казался единственным способом смыть напряжение. Она сделала маленький глоток — и обожглась не столько спиртом, сколько тем, как резко он вернул её в реальность. Никаких иллюзий. Только вкус, только тепло, только сейчас.

Дин чуть склонил голову.

— Я видел, как вы улыбались на презентации. Ровно до того момента, пока думали, что на вас смотрят. А потом, когда считали, что никто не замечает, улыбка сползала. Мне не хотелось, чтобы вы ушли грустной. Грусть тяжело нести.

Мина усмехнулась — горько, коротко.

— Это моя работа. Улыбаться, когда хочется кричать. Писать про тьму, а самой быть витриной.

– Я думал, женщина, которую любят, счастлива, – намекнул он на Пита.

Мина с упреком взглянула на мужчину, но не стала отвечать на его замечание.

Она снова сделала глоток. На этот раз тепло растеклось по груди, не обжигая, а скорее обволакивая.

Затем они стояли в тишине — не неловкой, не натянутой, а такой, в которой можно было просто быть уставшим человеком. Дин не пытался заполнить её словами, не рассказывал о своих выставках, не спрашивал про её книги. Он просто стоял у окна, смотрел на город, будто ждал, пока ночь станет чуть спокойнее.

Мина допила остатки — не залпом, а медленно, давая себе время собраться. Потом поставила бокал на столик рядом с корзиной подарков, будто возвращая на место часть этого вечера.

— Спасибо, — тихо сказала она. — За эти десять минут тишины.

Дин кивнул — коротко, без пафоса.

— Всегда пожалуйста. Если вдруг снова понадобится место, где не нужно улыбаться…

Она улыбнулась — на этот раз по-настоящему, без усилия.

— Вряд ли это случится. Я не из тех, кто ищет такие места.

— А я не из тех, кто их рекламирует, — спокойно ответил он, оставаясь у окна. — Но если вдруг… вы знаете, где меня найти.

Бокал остался на столике — янтарная капля на дне казалась крошечной, но упрямой, будто отказывалась исчезать. Мина уже почти развернулась, уже почти сделала тот самый спокойный шаг к двери, который должен был сохранить её достоинство, её дистанцию, её привычную броню.

Но Дин не стал ничего говорить. В этом и была самая пугающая часть — он не пытался удержать её словами. Он просто сделал шаг. Не резкий, не стремительный, а такой, каким ходят люди, которые точно знают, что не должны этого делать, но всё равно делают.

Он подошёл ближе — настолько, что она почувствовала тепло, идущее от него, запах кожи и чего-то терпкого, едва уловимого, как запах мастерской, где пахнет деревом и металлом. И когда он протянул руку, она не успела даже подумать — только застыла, как птица перед змеёй, когда инстинкт замирания срабатывает раньше страха.

Его пальцы едва коснулись её запястья — не сжимая, не удерживая, а просто касаясь.

Мина смотрела на его руку. На эти длинные, уверенные пальцы, которые привыкли лепить, резать, придавать форму. И в эту секунду ей показалось, что он сейчас не просто касается её кожи — он будто пробует на ощупь её границы, её слабость, её право уйти.

Она не дёрнулась сразу. Не закричала, не ударила, не оттолкнула. Сначала было только это странное, звенящее оцепенение, в котором время растянулось, как натянутая струна. В её голове не было ни одной мысли — только ощущение: вот он, момент, когда всё может измениться от одного движения.

А потом струна лопнула.

Резко, почти судорожно, она дёрнула рукой, разрывая этот контакт. Не грубо — скорее, отчаянно, как человек, который слишком долго стоял на краю и вдруг понял, что ещё секунда — и он шагнёт. Её ладонь скользнула по его пальцам, сбрасывая это прикосновение, как сбрасывают с себя что-то горячее, обжигающее.

— Не надо, — выдохнула она.

Ей было страшно не от того, что он сделал, а от того, как сильно ей на секунду захотелось не дёргаться.

Дин замер. Его рука повисла в воздухе, будто он сам не сразу понял, что только что пересёк черту. В его глазах мелькнуло что-то — не раскаяние, нет, скорее удивление, как у человека, который собирался только проверить прочность льда, а вместо этого провалился по колено.

Мина уже не смотрела на него. Она рванулась к двери — не элегантно, не сдержанно, как подобает писательнице на презентации, а по-настоящему, как женщина, которой вдруг стало нечем дышать. Пальцы судорожно нащупали ручку, повернули её, толкнули дверь.

Коридор встретил её холодом и тишиной — такой обычной, такой спасительной. Она шагнула вперёд, чуть не споткнувшись о собственный каблук, и только тогда позволила себе остановиться на секунду, чтобы глубоко, до боли, вдохнуть.

За спиной щёлкнула дверь — тихо, почти виновато. Но она не обернулась. Если бы обернулась, если бы увидела его силуэт в проёме, если бы заметила хоть тень сожаления или, хуже того, понимания — она могла бы вернуться. А возвращаться было нельзя.

Она пошла по коридору — быстро, почти бегом, не глядя по сторонам, не замечая ни ковровой дорожки, ни позолоченных рам, ни взглядов персонала. Только стук каблуков, только этот ритм, который должен был заглушить стук сердца.

Лифт открылся сразу, будто сам ждал её. Она влетела внутрь, нажала кнопку первого этажа так сильно, что палец побелел, и только когда двери сошлись, отрезая коридор, она наконец опустила плечи. Но не расслабилась. Нет. Просто поняла, что теперь можно не притворяться, что всё в порядке.

Внизу фойе было уже полупустым. Вечер окончательно сдавал позиции перед ночью. Мина вышла на улицу — и холодный воздух ударил по щекам, как пощёчина, возвращая её в реальность. Она глубоко вдохнула, чувствуя, как дрожь понемногу отступает, уступая место злости — не на Дина, а на себя. На эту секундную слабость, на то, как её тело предательски замерло вместо того, чтобы оттолкнуть сразу.

Она достала телефон, вызвала такси, уставившись на экран, как на спасательный круг. И пока ждала, пока цифры отсчитывали минуты до спасения, в голове у неё вдруг всплыли не слова, не сцены, а ощущение — то самое, когда его пальцы едва касались её запястья.

И вместо того чтобы стереть это воспоминание, она вдруг поймала себя на мысли: именно это ей и нужно было сейчас записать. Не красивые фразы. Не изящные метафоры. А вот эту секунду — когда мир сужается до одного прикосновения, когда ты не знаешь, хочешь ли ты, чтобы оно длилось или чтобы его никогда не было.

Такси подъехало, мягко притормозив у обочины. Мина села на заднее сиденье.

«Я опишу это, — подумала она, сжимая в пальцах телефон. — Опишу так, чтобы читатель почувствовал эту дрожь. Чтобы понял, как страшно хотеть и бояться одновременно».

Пит пришёл под утро, когда за окном уже начинал сереть небесный крах, а Мина задремала прямо на диване с ноутбуком на коленях. Ключ в замке провернулся дважды — он всегда запирал на два оборота, привычка, которая говорила больше, чем любые слова. Она открыла глаза и увидела его в дверном проёме: расстёгнутая рубашка, тёмное пятно на рукаве — не кровь, а грязь, чёрная, маслянистая, будто он полз по земле. Под глазами залегли тени, глубокие, как порезы. От него пахло дождём, порохом и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным, что Мина узнала не сразу. Запах смерти. Он въедается в одежду, в волосы, в кожу, и никакой душ его не берёт до конца.

— Третье, — сказал он вместо приветствия, швырнув ключи на тумбу так, что они звякнули, как упавшая гильза. — Третье, Мина. И я даже не знаю, кого ищу.

Она молча поднялась, не спрашивая разрешения, не дожидаясь приглашения — просто подошла и стала снимать с него рубашку, как делала это уже не раз. Пальцы скользили по пуговицам привычно, но внутри всё сжималось: каждый раз, когда он возвращался вот так, с этим взглядом — пустым и острым одновременно, — она понимала, что город, в котором они живут, болен чем-то неизлечимым.

Пит сел на край дивана, откинулся назад, закрыл глаза. Мина налила виски и протянула стакан. Он сделал глоток, и в его горле что-то дрогнуло — не от спирта, а от воспоминания, которое он ещё не успел спрятать.

— Расскажи, — тихо просила она, садясь рядом, не касаясь, но достаточно близко, чтобы он чувствовал её тепло. — Я хочу знать.

Пит рассказывал медленно, будто каждое слово давалось ему с трудом — не потому что было стыдно, а потому что перед глазами всё ещё стояла картина, которую хотелось стереть, но которая въедалась в память, как татуировка.

— Женщина. Лет сорока пяти. Хозяйка антикварного салона на улице Красильникова. Нашли её в собственной мастерской, за рабочим столом. Она сидела. Прямо, ровно, будто

работала. Только вместо инструментов в руках у неё были... куски её собственных изделий. Фарфоровых. Она держала их так, будто это было самое естественное положение. Пальцы не повреждены. Никаких следов насилия на теле — вообще никаких. Но вскрытие показало, что внутри — пусто. Все органы на месте, но... высушены. Полностью. Будто кто-то выкачал из неё всю влагу через тончайшие проколы, которых мы не нашли при первичном осмотре. Позже токсикология нашла следы яда, который не зарегистрирован ни в одной базе. Эксперт сказал, что в его практике такого не было, — и этот эксперт работал в морге двадцать лет.

Мина слушала, не перебивая. Её пальцы лежали на коленях неподвижно — только подушечки чуть побелели от того, как она вжимала их в ткань джинсов.

— И самое страшное, — продолжил Пит, допив виски одним глотком, — на столе перед ней стояла её собственная фарфоровая статуэтка. Ее первая работа.

Мина почувствовала, как по спине пробежал холод — не от ужаса, а от узнавания: что-то в этом убийстве было не просто жестоким, а художественным. Точно выверенным. Продуманным до мельчайших деталей.

— Первые два, — тихо попросила она. — Расскажи про первые два.

Пит помолчал, будто решая, стоит ли ворошить это снова. Потом заговорил.

— Первая жертва — мужчина, пятьдесят два года. Коллекционер живописи. Нашли его в галерее, в отдельном зале, где хранились его самые ценные полотна. Он висел. Не на верёвке — на крюках. Тонких, стальных, таких, какие используют для крепления тяжёлых рам. Они были вживлены в стену, а его тело было подвешено на них за кожу — за лопатки, за бёдра. Не за мышцы, не за кости — именно за кожу, так, чтобы не порвать, не убить сразу. Эксперт сказал, что человек умирал долго. Может, несколько часов. Кровопотеря минимальна — убийца знал, куда вводить крюки, чтобы не задеть крупные сосуды. Ни отпечатков, ни волокон, ни камер. Полотна на стенах были переставлены — не повреждены, а именно переставлены. Будто убийца наводил порядок. Приводил композицию в соответствие со своим вкусом. Когда мы вошли, единственное, что было не на месте, — небольшая картина на стене напротив тела. Его первая.

Мина молчала, но внутри у неё уже начал складываться контур — не лица, а почерка. Того, кто не просто убивает, а создаёт. Для кого смерть — не цель, а материал.

— Вторая, — продолжил Пит, и его голос стал ещё глуше. — Молодая женщина. Двадцать восемь лет. Танцовщица. Нашли её в репетиционном зале. Она стояла в центре — на одной точке, в позе арабеска. Идеальная линия, идеальное равновесие. Только она была не жива. Тело забальзамировано — но не обычным способом. Экспертиза показала, что использован состав, который не встречается ни в одной современной лаборатории. Что-то старое, чему не нашлось аналога. Она стояла так, будто замерла посреди танца. На полу вокруг — ни следа. На стенах — зеркала, все целые, кроме одного. Того, что напротив. В нём — трещина. Не от удара, а от... резьбы. Кто-то прорезал по стеклу тонкую линию — от края до края. И снова — никакого биологического материала. Ни волоса, ни клетки кожи. Чисто. Как операционная.

Мина выдохнула — медленно, едва слышно, будто боялась спугнуть мысль, которая формировалась у неё в голове.

— Он не насильник, — тихо сказала она, скорее себе, чем Питу. — Он не мститель. И не маньяк в классическом смысле.

— А кто? — Пит повернул к ней лицо — впервые за весь разговор. В его глазах было не просто усталость, а голод: жажда понять, поймать, остановить.

— Он — художник, — ответила Мина, и её голос прозвучал спокойно, почти пугающе ровно. — Он не убивает, чтобы убить. Он превращает людей в произведения. Жертва для него — не объект ненависти, а материал. Глина. Фарфор. Холст. Он не издевается, не пытает ради удовольствия. Он создаёт.

Пит смотрел на неё — и Мина видела, как в его глазах что-то меняется. Не облегчение, нет. Скорее — холодное понимание, что за этими тремя убийствами стоит не безумец, а человек с ясным, извращённым, но абсолютно осознанным замыслом.

— Первая жертва — коллекционер живописи. Вторая — танцовщица. Третья — хозяйка антикварного салона, работавшая с фарфором, — медленно перечислила Мина, загибая пальцы. — Он выбирает людей, связанных с искусством. Не случайно, не по доступности — а потому что они для него — часть его мира. Он не убивает чужих. Он убивает своих.

— Своих? — переспросил Пит.

— Тех, кто рядом с искусством. Кто его создаёт, хранит, продаёт. Для него они — не просто люди. Они — часть композиции. Они для него - особенные. И когда он «заканчивает» их, он завершает и себя. Каждый раз.

Пит встал, прошёлся по комнате, сжимая и разжимая кулаки. Мина видела, как напрягались мышцы на его спине, как под кожей проступали рельефы усталости и ярости.

— Если ты права, — глухо сказал он, не оборачиваясь, — то он не остановится. Он будет искать следующего. И следующего. Пока не решит, что его... коллекция завершена.

— Или пока не найдёт свой шедевр, — добавила Мина, и эти слова повисли в тишине комнаты, тяжёлые и холодные.

Она сидела на диване, укутавшись в плед, но холод шёл не снаружи — изнутри, от осознания, что где-то в этом городе ходит человек, для которого смерть — это форма искусства, а люди — материал, который ждёт своей очереди. И самое страшное: Мина вдруг поймала себя на мысли, что не просто боится его, а понимает. Не сочувствует, не оправдывает — но понимает логику, видит структуру, чувствует этот жуткий, болезненный ритм.

Пит обернулся к ней. В его взгляде смешались усталость, ярость и что-то ещё — почти нежность, которая появлялась у него только в такие моменты, когда он понимал, что без неё он бы не увидел того, что она видела.

— Не приближайся к этому делу, — хрипло сказал он. — Я серьёзно, Мина. Не лезь. Не расследуй. Не пиши об этом. Я не хочу, чтобы он узнал о тебе.

Мина кивнула. Но они оба знали, что это обещание она не сможет сдержать — хотя бы потому, что в её голове уже зрела новая глава. Глава, где убийца не безумен, а гениален. Где его жестокость — это искажённая форма любви к красоте. И где героиня, которая пытается его понять, рискует стать его следующим материалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.